

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXII г.

№ 21

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXII

1901

Выходить еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 24-хъ книжечекъ „Сборника“, содерж. съч. Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдастъ 26 мая 1901 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1901 г.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ Москвѣ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. «ОБРАЗОВАНИЕ», Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкой въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всю Мѣстность Россіи.	7 р.	За границу.	10 р.
------------------------------	------------	--	------------	--	------------	-----------------------------	------------	--	------	-------------	-------

При этомъ № прилагается: Сборникъ „Нивы“ № 10, содержащій „Полное собраніе сочиненій Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО“, томъ X.

На свой страхъ.

Романъ
И. Н. Потапенко.

(Окончаніе.)

Онъ пришелъ домой въ семь часовъ, и первое, что онъ увидѣлъ, это два прибора, которые стояли въ столовой на столѣ. Онъ понялъ, что обѣдъ еще не начинался.

— Отецъ пріѣхалъ?—спросилъ онъ у Федора.

— Пріѣхали—съ. Ждутъ. Давно уже ждутъ.

«Значить, это неизбежно»,—подумалъ Михаилъ. Въ это время на его шаги вышелъ изъ кабинета Аркадій Михайловичъ. Онъ пылливо взглянулъ на сына, очевидно не довѣряя его прогулкѣ.

— Ты гулялъ?—спросилъ онъ.

— Да!—кратко отвѣтилъ Михаилъ.

— Это не мѣшаетъ, но все-таки надо въ-время приходить къ обѣду. А то приходится другимъ испытывать излишнее безпокойство.

Михаилъ промолчалъ. Они сѣли за столъ. Федоръ подавалъ обѣдъ и все время вертѣлся въ комнатахъ, и Михаилъ былъ радъ этому. Аркадій Михайловичъ дѣлалъ усиліе, чтобы оставаться такимъ, какимъ былъ всегда. Въ немъ сидѣло еще раздраженіе, которое усилилось загадочной прогулкой Михаила. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ говорить при такихъ условіяхъ, и тѣмъ не менѣе, говорилъ, чтобы не было молчанія, которое Федоръ могъ бы объяснить по-своему, проникая такимъ образомъ въ тайну.

И страшно для Михаила звучали эти слова, которыя Аркадій Михайловичъ произносилъ, повидимому, очень спокойнымъ и простымъ тономъ:

Казачка. Фотоэтюды Л. Завадскаго. Авт. «Нивы».

— У нас переменна въ министерствѣ; назначенъ новый товарищъ. Наверно что-нибудь новое выдумаетъ и придется приспособляться. Каждый считаетъ своимъ долгомъ выдумать что-нибудь новое. Это единственный способъ для нихъ доказать необходимость своего назначения.

Михаилъ молчалъ, и Аркадій Михайловичъ недовѣрчиво поглядывалъ на него. Хотя онъ ни о чемъ не спрашивалъ сына, но все же тому естественно было вставить и свое замѣчаніе. За этимъ молчаніемъ, по его мнѣнію, скрывался кризисъ. Онъ привелъ его уже къ покорности, а теперь начинаются опять какія-то колебанія.

— Тебѣ надо выспаться, Михаилъ! — сказалъ Аркадій Михайловичъ.

— Хорошо, я высплусь.

Михаилъ обрадовался этой мысли. Спать онъ вовсе не хотѣлъ, но это былъ такой прекрасный поводъ для него избѣжать бесѣды съ отцомъ и уйти въ свою комнату. И онъ наскоро выпилъ кофе и поспѣшилъ уйти. Аркадій Михайловичъ долго и внимательно глядѣлъ ему вслѣдъ. Раздраженіе противъ сына въ немъ все усиливалось.

Онъ не выносилъ ничего безтактнаго, а тутъ со стороны Михаила былъ рядъ безтактностей. То, что случилось ночью, было верхомъ безтактности, а то, какъ онъ ведетъ себя теперь съ нимъ, тоже нельзя было назвать тактичнымъ.

Любилъ ли онъ своего сына? Того нѣжнаго чувства, которое обыкновенно называется любовью, онъ не испытывалъ; но все-таки онъ думалъ, что любилъ его. Михаилъ былъ слишкомъ слабъ. Къ нему скорѣе можно было чувствовать жалость, снисхожденіе, а Аркадій Михайловичъ былъ не изъ тѣхъ, которые чувствуютъ жалость къ слабымъ, а только изъ жалости вытекаетъ то чувство, которое обыкновенно называютъ любовью.

Голосъ крови? Да, онъ иногда слышалъ указаніе этого голоса, — но онъ считалъ его ниже себя и не хотѣлъ подчиняться ему. Онъ признавалъ только сознательное чувство. Ему нуженъ былъ сынъ. Ему нуженъ былъ другой человѣкъ, похожій во всемъ на него, и потому онъ изо всѣхъ силъ старался повторить въ немъ себя, выработать въ немъ свой характеръ, свои взгляды, которые онъ обожалъ въ себѣ.

Это было странное чувство. Точно одного себя ему было мало. Это было высшее развитіе себялюбія, когда хочется видѣть себя вдвойнѣ, хочется видѣть другого такимъ же точно, каковъ ты.

И вотъ онъ сдѣлалъ рядъ усилій и уже предвидѣлъ успѣхъ, уже ясна была для него побѣда, и вдругъ опять эти колебанія. И какой странный поводъ для этихъ колебаній! Онъ думалъ, что выйдетъ какъ разъ наоборотъ. Провинившись, Михаилъ долженъ былъ, по его мнѣнію, еще больше подчиниться ему, а вышло не такъ: вдругъ опять выглянулъ прежній угловатый молодой человѣкъ, который былъ такъ ему несимпатиченъ.

Но это ничего. Эти колебанія кончатся. Теперь вѣдъ устранены всѣ вліянія. Изъ дома вышли всѣ чуждые элементы. Михаилъ волей или неволей будетъ постоянно съ нимъ; надо только, что-бы онъ былъ съ нимъ, и ужъ одно это подчинитъ его. Онъ слишкомъ слабъ, онъ не устоитъ. Это было единственное основаніе для того, чтобы Аркадій Михайловичъ признавалъ слабость; вообще же онъ не терпѣлъ ея въ людяхъ. Онъ даже въ врагахъ предпочиталъ силу.

И конечно, этотъ кризисъ пройдетъ. Михаилъ еще нервенъ послѣ вчерашней пирушки, а въ особенности послѣ этого неожиданнаго эпизода. Онъ такъ еще не привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ. Онъ выспится, придетъ въ норму. Надо только ни на минуту не допускать, чтобы Михаилъ выходилъ изъ подъ его вліянія. Напротивъ, надо крѣпче и крѣпче затягивать узелъ.

Ему нужно общество; до сихъ поръ онъ былъ несо-

стоятеленъ въ выборѣ знакомыхъ. Этотъ выборъ дѣлала для него Вѣра Васильевна. Но ея знакомые никогда не были по вкусу Аркадію Михайловичу; онъ выберетъ для Михаила своихъ, и на это надо обратить вниманіе. И Михаила надо крѣпко привязать къ новому кругу знакомыхъ. Да, трудная задача перевоспитать взрослого человѣка, но ему эта задача нравилась.

— Михаила Аркадьевича будить не надо, — сказалъ онъ Федору: — и надо, чтобы въ домѣ все было тихо. Когда онъ самъ проснется, тогда пусть будетъ готовъ чай.

Самъ онъ ушелъ въ кабинетъ, сѣлъ въ кресло, курилъ сигару и продолжалъ свои размышленія на ту же тему.

ХІІ.

Михаилъ лежалъ въ своей комнатѣ на кровати, но не спалъ. Нервы его были страшно разстроены, въ вискахъ стучало; у него было тяжелое ощущеніе недовольства собой и въ то же время нетерпѣнія. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе предпринять то, что должно было облегчить его. Но передъ нимъ былъ еще цѣлый вечеръ, потомъ — цѣлая ночь.

А время шло тихо. Уже стемнѣло, Федоръ осторожно зажигалъ лампу въ коридорѣ. Пробыло девять часовъ. Аркадій Михайловичъ вышелъ въ столовую.

— Неужели онъ еще спитъ? — не безъ нѣкоторой тревоги спросилъ онъ у Федора.

— Не знаю-съ. Должно быть, что спать, — отвѣтилъ Федоръ.

— Узнай, пожалуйста... Ты войди тихонько, чтобы не разбудить...

Федоръ оправился и тихо на ципочкахъ подошелъ къ двери и заглянулъ въ комнату Михаила. Михаилъ поднялся.

— Вы не спите, Михаилъ Аркадьевичъ? — спросилъ его Федоръ.

— Нѣтъ, я дремалъ, а теперь совсѣмъ лягу...

И онъ тутъ же при Федорѣ началъ раздѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ страшно усталъ и желалъ сна.

Когда Федоръ сообщилъ Аркадію Михайловичу о рѣшеніи Михаила сейчасъ же лечь спать, Аркадій Михайловичъ пожалъ плечами.

— Здоровъ ли онъ? — спросилъ онъ у Федора.

— Не жаловались.

У него явилось движеніе пойти къ Михаилу и разузнать самому, въ чемъ дѣло. Но онъ тотчасъ же перерѣшилъ. Нѣтъ, онъ именно теперь въ такомъ состояніи, когда его надо оставить въ покоѣ. Всякое внимательство покажется ему насиліемъ. Это всегда надо принимать въ расчетъ.

Онъ напился чаю одинъ и рано легъ спать. Онъ тоже не выспался изъ-за ночной исторіи и тоже много волновался. Нервы его были утомлены. А онъ терпѣть не могъ находиться въ зависимости отъ физическихъ причинъ, въ родѣ усталости или болѣзни; въ такихъ случаяхъ онъ старался поскорѣе возстановить силы.

Михаилъ дѣйствительно скоро уснулъ и не просыпался всю ночь. Онъ открылъ глаза рано, часовъ въ семь. Въ столовой еще ничего не было готово. Слути въ домѣ спали; онъ разбудилъ Федора и попросилъ себѣ стаканъ чаю.

У него явилась бодрость духа, но вчерашнее ощущеніе не покидало его. Напротивъ, вставъ здоровымъ и бодрымъ, онъ сильнѣе и сознательнѣе ощущалъ тяжесть, которая все еще была на его душѣ. И намѣреніе, которое созрѣло у него вчера, сегодня сдѣлалось еще опредѣленнѣе.

— Если спроситъ отецъ про меня, — сказалъ онъ Федору, уходя изъ дому: — скажите, что я пошелъ прогуляться, а потомъ зайду въ университетъ.

Онъ вышелъ и направился въ технологическій институтъ. Оказалось, что швейцару еще адресъ Андрея Сарептова неизвѣстенъ. Но такъ какъ ему было со-

вершенно необходимо добыть этот адресъ, то онъ отправился въ канцелярію и тамъ узналъ.

Было около десяти, когда Михаилъ, отыскавъ квартиру Андрея, поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ. Горничная уже знала, что квартиранта зовутъ Саренцовымъ; его впустили, онъ подошелъ къ двери и постучалъ.

— Кто тамъ? Войдите! — послышался голосъ Андрея.

Михаилъ вошелъ. Андрей пилъ чай, сидя за столомъ. При его появленіи онъ быстро поднялъ голову и сильно нахмурилъ лицо.

— Вы? — спросилъ онъ и поднялся.

— Да, это я! — сказалъ Михаилъ, не двигаясь ни шагу отъ двери.

— Я не выражалъ желанія видѣть васъ! — промолвилъ Андрей.

— Это понятно! — отвѣтилъ Михаилъ. — Но если я скажу, что мнѣ это нужно, необходимо... Что я безъ этого не могу...

— Не понимаю, зачѣмъ...

— Вы поймете...

Андрей взглянулъ на него и увидѣлъ теперь глаза, какихъ не ожидалъ отъ Михаила послѣ вчерашняго. Это его смутило и поколебало.

— Если нужно... Садитесь! — сказалъ онъ.

Михаилъ сѣлъ и, какъ-то поникнувъ головой, молчалъ. Видно было, что внутри у него есть что-то такое, что необходимо высказать, но чего онъ не умѣлъ еще выразить. Наконецъ, онъ промолвилъ:

— Андрей...

И опять замолкъ, какъ бы вновь потерявъ нить.

— Мнѣ трудно выразить...

— Да нужно ли? — спросилъ Андрей.

— Нужно...

Андрей посмотрѣлъ на него и понялъ, что ему нужно.

— Говорите, — сказалъ онъ.

— Андрей, я нуждаюсь въ томъ, чтобы громко высказать это: я глубоко сознаю всю низость моего поступка...

— Что-жъ, это очень утѣшительно... — сказалъ Андрей, не глядя на него.

— Зачѣмъ же такъ говорить? Развѣ вы не видите, что я мучаюсь? Да, низость, подлость, мерзость, нѣтъ такого слова, которое вполне выразило бы это. Но надѣюсь, что вы знаете... Надѣюсь, что ты знаешь, Андрей, что я только совершилъ низкій поступокъ, но что самъ я не подлъ и не низокъ, что это сдѣлалъ не я, а кто-то другой...

— Къ сожалѣнію, я не вѣрю въ это...

— Не вѣришь въ искренность мою? Ахъ, Боже мой!.. Но развѣ ты не слышишь? Развѣ мой голосъ не говоритъ тебѣ о моей искренности... мое лицо...

— Ахъ, голосъ и лицо, — да... Я слышу и вижу сейчасъ искренность... Но на долго ли это?.. Да и зачѣмъ это мнѣ? Фактъ совершился, его передѣлать нельзя. Человѣкъ, который могъ...

— Андрей, это для меня невыносимо! Ты привыкъ видѣть меня слабымъ. Но я говорю тебѣ, — если ты меня оттолкнешь, я... со мной случится одно изъ двухъ: или я сдѣлаюсь самымъ дряннымъ человѣкомъ, или я не смогу жить...

— Первое легче... — отозвался Андрей.

Михаилъ покачалъ головой.

— Значитъ, уже нѣтъ для меня доступа къ твоему сердцу? Да, я вижу... Конечно, я сдѣлалъ все для этого...

Въ эту минуту что-то повернуло Андрея въ его пользу. Можетъ-быть, въ голосѣ у него были ноты, захватившія его своей искренностью; но Андрей понялъ, что Михаилъ переживаетъ пытку, и должно-быть поэтому началъ говорить болѣе искренно и вдругъ, самъ не зная почему, сразу перешелъ на прежнее ты.

— Доступъ есть! — сказалъ онъ. — Но самъ ты зава-

дилъ его камнями. Завалить легче, чѣмъ очистить. И трудно, Михаилъ, трудно это сдѣлать! Слишкомъ быстро ты отвернулся отъ всего прошлаго, слишкомъ быстро ты отказался отъ прежнихъ взглядовъ и симпатій, и, главное, совсѣмъ безъ борьбы. Первое вліяніе, первая сила — и ты уже подчинился. Такъ на что же тутъ можно положить? Придетъ вторая, третья, каждая — сдѣлаетъ то же самое...

— Но есть же и въ душахъ слабыхъ такія точки, которые не поддаются никакому вліянію! — возразилъ Михаилъ.

— Есть ли? Вотъ вопросъ!

— Есть, я это чувствую...

— Но какъ это доказать?

— Смотри на меня... Я ничѣмъ другимъ сейчасъ не могу доказать.

— Смотрѣлъ я на тебя цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, и ты мнѣ казался добрымъ, честнымъ... И что же изъ этого вышло? Знаешь ли ты, что мнѣ, можетъ-быть, больше, чѣмъ тебѣ самому, было тяжело разстаться съ вѣрой въ твое честное сердце. Я многого не одобрялъ въ тебѣ: но въ сердце твое я вѣрилъ, и оно же, оно первое и обмануло меня...

— Но оно же первое и закричало противъ моего поступка, оно же и привело меня къ тебѣ.

— Что же ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты повѣрилъ, что я возмущаюсь своимъ поступкомъ, что я гнушаюсь самого себя, что я готовъ принести искупительныя жертвы.

— Какія?

— Тутъ нѣтъ границъ... Я не могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Я не знаю такой вещи, которую я не сдѣлалъ бы.

— Ты пойдешь домой, поговоришь съ отцомъ и все уладится! — молвилъ Андрей.

— Нѣтъ. О, ты не знаешь, какой во мнѣ произошелъ переворотъ въ этотъ день! И тутъ сердце помогло мнѣ, то самое сердце, въ которое ты когда-то вѣрилъ. Нѣтъ, я съ нимъ никогда не сойдуся. Я подчинился ему тогда, когда шелъ еще оцупью; но то, что я пережилъ, меня образумило. Отецъ въ моемъ поступкѣ не нашелъ ничего, кромѣ неосторожности и безтактности. Будь я остороженъ, онъ, пожалуй, не только не имѣлъ бы ничего противъ, но даже похвалилъ бы... Андрей, пощади мою душу, которая нуждается такъ въ поддержкѣ... И только ты одинъ можешь поддержать ее. Андрей, ради всего святого, ради моей покойной матери, которая вѣдь и для тебя была матерью... О, ради нея ты меня не оттолкнешь, ради ея свѣтлой души, которая одинаково любила насъ и учила добру... Умоляю тебя, умоляю...

Крупныя слезы полились изъ глазъ Михаила, и у Андрея тоже что-то дрогнуло въ сердцѣ.

— Не будемъ говорить о ней! — мягкимъ, примирительнымъ тономъ произнесъ онъ. — Она слишкомъ свята, чтобы мы ее вмѣшивали въ эти дразни.

— Ради ея памяти ты не оттолкнешь меня...

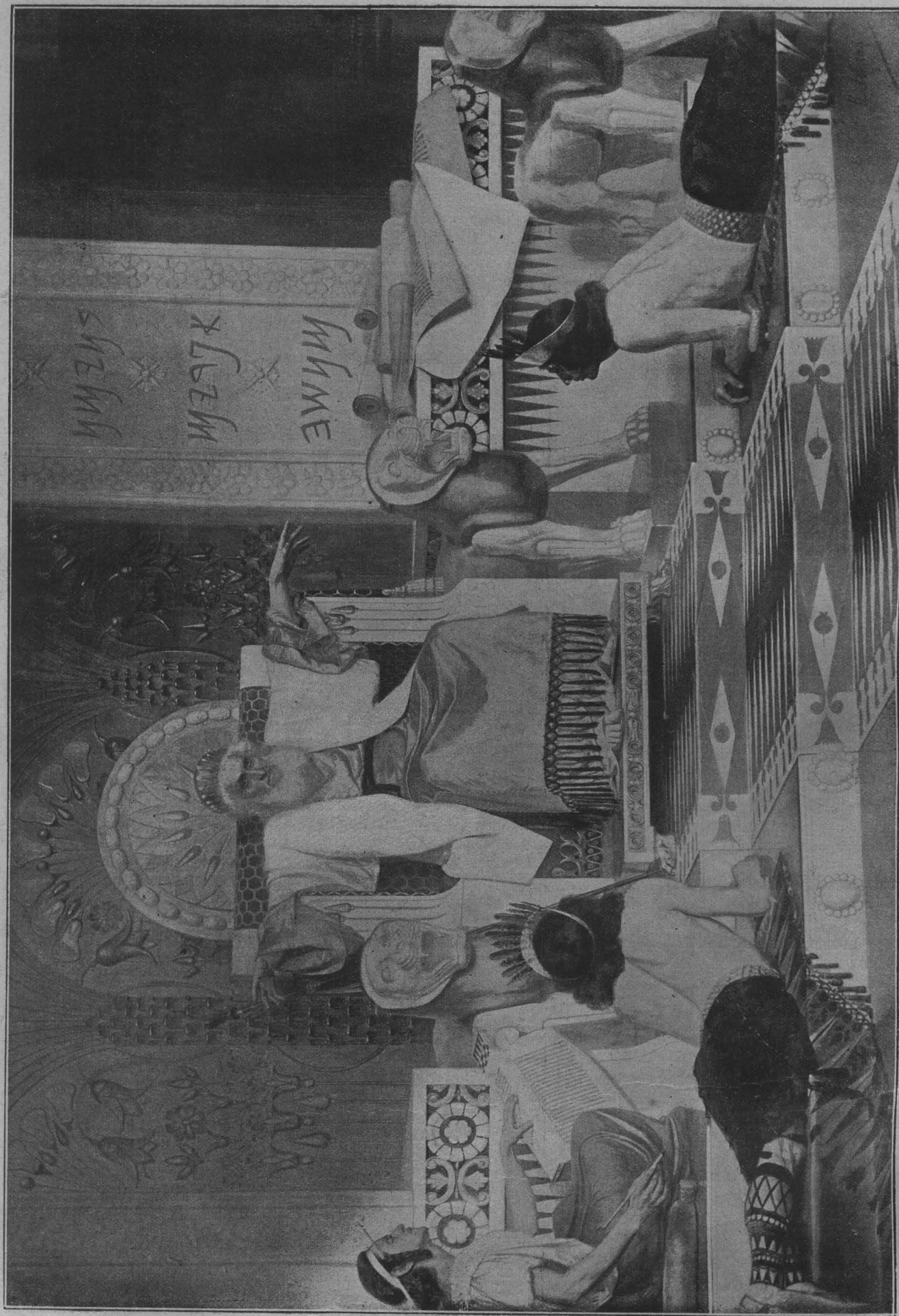
— Но что я могу?

— Я хочу, чтобы ты вѣрилъ мнѣ, что я только совершилъ поступокъ негодяя, но самъ — не негодяй... Я хочу, чтобы ты не отказался протянуть мнѣ руку и не отказалъ мнѣ въ прежней дружбѣ...

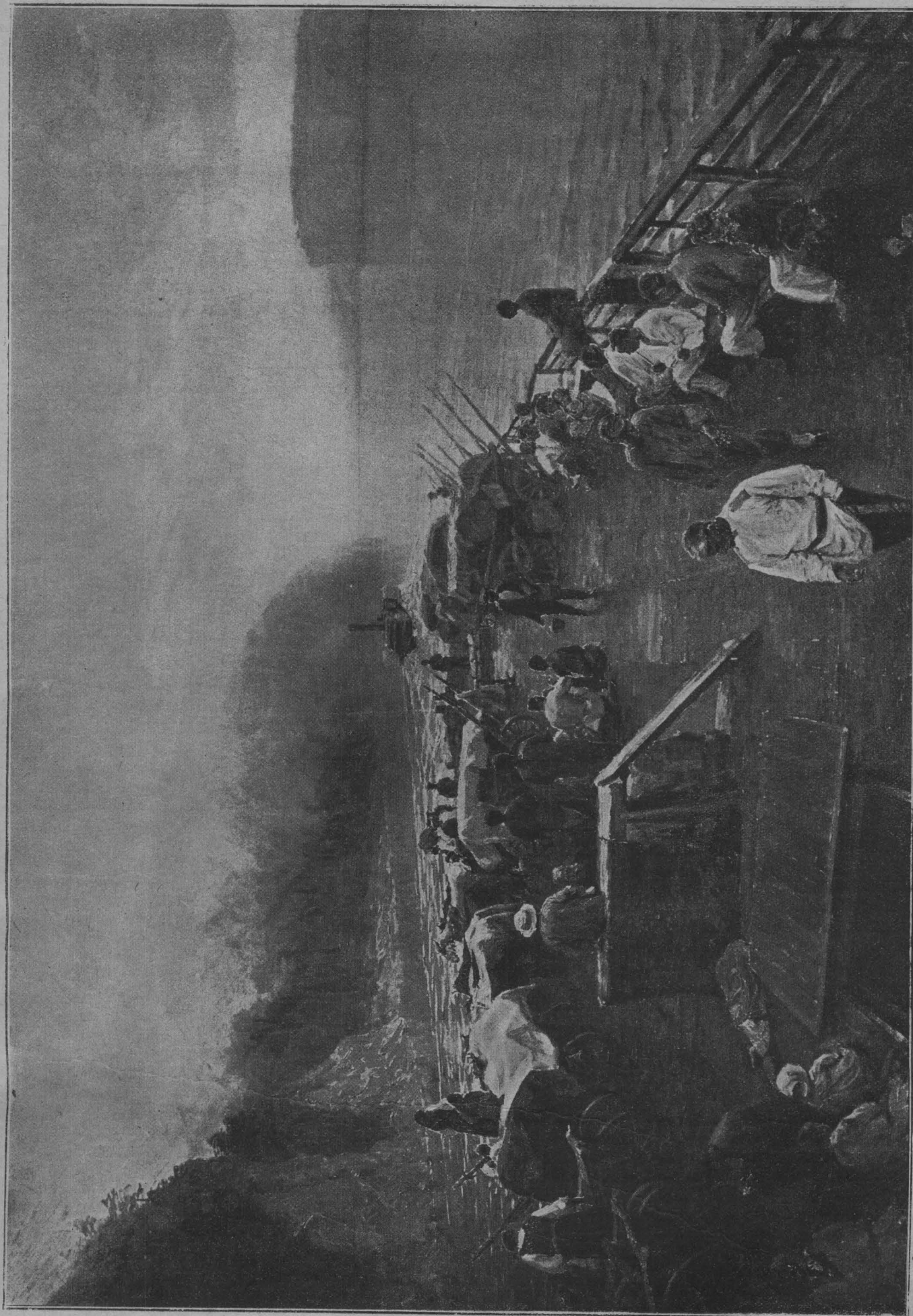
— Дружба не дается по общанію! — сказалъ Андрей. — Она создается жизнью. И если нить порвалась, такъ надо соткать другую, а для этого требуется время и еще многое... А руку... Вотъ тебѣ моя рука. Если обманешь — пусть твоя же совѣсть заѣстъ тебя.

Михаилъ вскочилъ и началъ горячо пожимать руку Андрея.

— Нѣтъ, не обману, и это все, что мнѣ было надо! Вотъ ты поддерживалъ меня, и я чувствую, что теперь твердо стою на ногахъ. Я хочу просить тебя, Андрей... Я не могу быть у бабушки. Она, конечно, знаетъ и, по-

IX выставка с.-петербургского общества художниковъ. «Суета, суетъ и всяческая суета.» (Экклезиастъ).
Картина И. А. Аснэзия, по фотографии Г. Глыборского авт. «Нивы».

XXIX передвижная выставка. Переселенческая баржа на Амурь. Картина А. И. Чиркова, по фот. К. Булла авт. «Нивы».

нятно, питаетъ ко мнѣ самое дурное чувство. Да и Катя... У меня не хватило бы духу посмотреть ей въ глаза. Но ты, Андрей, сдѣлай для меня, что возможно, облегчи мнѣ возвращеніе туда... И когда наступитъ время, позови меня. И не оставляй меня... Видишь, я слабый человѣкъ, мнѣ нужна дружеская поддержка...

— Тебѣ её всегда окажутъ тамъ... ближе...

— Нѣтъ, Андрей, не говори этого. Тамъ уже невозможно... Я, конечно, буду жить въ домѣ, пока это неизбежно. Я буду оказывать все вышнія признаки почтительности сыну къ отцу. Но это все; больше — органически невозможно. Я это чувствую глубоко. Знаешь, что я чувствую, Андрей? Что есть два пути въ жизни — путь прямой и свѣтлый, по которому идутъ люди съ сердцами открытыми для всякаго добра, это — путь, показанный намъ моей покойной матерью; и другой — извилистый и темный, по которому идутъ люди, замкнувшие свое сердце для всего міра и живущіе только для себя — это путь моего отца. Онъ и она были въ сущности врагами всю жизнь, но она любила и врага, а онъ только скрывалъ вражду въ глубинѣ своего темнаго сердца. Я это понималъ теперь. Его отношеніе къ моему поступку освѣтило мнѣ все. И вотъ я избираю первый путь — путь моей матери, по которому идешь и ты, а потому мы съ отцомъ никогда не сойдемся. Теперь прощай, Андрей. Спасибо тебѣ, спасибо за то, что ты пригрѣлъ мою душу. Не забывай о человѣкѣ, который теперь, какъ и въ дѣтствѣ и въ юности, нуждается въ тебѣ. Прощай! — онъ крѣпко пожалъ руку Андрею.

— Михаилъ, — сказалъ Андрей: — я буду очень счастливъ, если все будетъ такъ, какъ ты сказалъ. Если у тебя хватитъ силъ...

— Хватитъ! Теперь хватитъ, я знаю! Прощай!

И какъ-то само-собою вышло, что они поцѣловались. Михаилъ ушелъ. Андрей долго ходилъ, взволнованный. Знаніе души Михаила говорило ему, что все это не прочно; но было что-то такое въ его глазахъ, что какъ-будто опровергало это. Глаза у него были совѣтскіе не такіе, какъ прежде; не было въ нихъ прежней вялости, инертности, а была какая-то глубокая рѣшимость.

«Должно быть и для слабыхъ душъ наступаетъ моментъ, когда онѣ вырастаютъ и крѣпнутъ. Человѣческая душа, — загадочное существо. Въ иной всю жизнь таятся силы, которыя никогда не проявляются и вдругъ по какому нибудь поводу, съ виду ничтожному, но задѣвшему её глубоко, онѣ начинаютъ бить ключомъ»...

Въ этотъ день у него было двѣ лекціи, и онъ пошелъ въ институтъ. Кромѣ того надо было побывать на заводѣ. Онъ уже нѣсколько дней не былъ тамъ. Положимъ, это было для него необязательно; но ему самому не хотѣлось отвыкать отъ заводской обстановки. И онъ съ лекціи прошелъ прямо туда и провелъ часа два въ хорошо знакомомъ ему желѣзо-прокатномъ навальонѣ. Ему рассказали новости. Иванъ Матвѣичъ, давно ковавшій какіе-то ковы противъ директора, что-то намутилъ въ правленіи, и поговаривали, что ему, можетъ-быть, придется выйти въ отставку. Андрей не хотѣлъ беспокоить Христіана Антоновича, чтобы узнать истину, и отложилъ это на послѣ.

Изъ завода онъ отправился на Каменный островъ. Онъ не обѣдалъ сегодня и надѣялся, что тамъ его накормятъ. Надо было подѣлиться извѣстіемъ о Михаилѣ.

Тамъ уже были зажжены свѣчи. Въ домѣ шла дѣятельная уборка. Катя встрѣтила его радостной улыбкой. Столъ въ гостиной былъ заваленъ матеріями и новымъ бѣльемъ. Все это онъ закупили сегодня съ Марфушей въ Гостиномъ.

— А у меня новость, — сказалъ Андрей, когда его усадили за столъ, и все собрались вокругъ него въ столовой.

— Опять что-нибудь скверное! — промолвила Евпраксія Викторовна.

— Нѣтъ, кажется — недурное. У меня былъ Михаилъ...

Катя вздрогнула при этомъ имени.

— Да что ты? Неужто рѣшился? — воскликнула Евпраксія Викторовна.

— Не знаю, что изъ этого выйдетъ, а теперь онъ мнѣ понравился. Принять сказать, что сознаетъ всю гадость своего поступка и проситъ вѣрить въ это... Страшно взволнованъ, погрязенъ, убитъ... Мнѣ жаль его. Въ немъ въ сущности много добрыхъ задатковъ, но нѣтъ твердой опоры, нѣтъ воли. Я протянулъ ему руку.

— И хорошо сдѣлалъ... хорошо, великодушно! — сказала Евпраксія Викторовна. — У иного человѣка оттого только, что въ-время ему протянули руку, вся жизнь перемѣняется...

— Не выдержать! — сказала Марфуша. — Аркадій Михайловичъ заберетъ его въ лапы, пикнуть не дастъ ему.

— А мнѣ показалось въ его глазахъ что-то новое. Какъ будто бы въ нихъ появилась твердость. Можетъ быть, и выдержать.

— Бросать не надо его, — сказала Евпраксія Викторовна. — Надо поддерживать его... Да вѣдь вотъ у насъ-то ему бывать неудобно...

Евпраксія Викторовна посмотрѣла на Катю. Катя поняла ея мысль.

— Конечно, — сказала она: — мнѣ тяжело будетъ. Но я не хочу, чтобы изъ-за меня...

— А вы простите его, Катя, такъ тогда и не будетъ тяжело! — сказала Марфуша.

— Я могу простить, но забыть не могу.

Андрей постарался прекратить этотъ разговоръ, чтобы не производить насилія надъ Катиной душой, но все же онъ увидѣлъ, что почва благоприятна и что, если Михаилъ сдержитъ обѣщаніе, то онъ введетъ его въ этотъ домъ.

Между тѣмъ Михаилъ дѣйствительно отправился въ университетъ, но не для того, чтобы слушать лекціи, а больше для того, чтобы разсѣяться и провести какъ нибудь время. Онъ чувствовалъ, что дома далеко еще не все счеты сведены; можетъ быть не сегодня, не завтра, можетъ пройдутъ недѣли и мѣсяцы, но съ отцомъ у него будетъ объясненіе, которое проведетъ глубокую межу между ними навсегда. Для него возврата уже не было. Слишкомъ Аркадій Михайловичъ ясно въ этой исторіи показалъ свои карты. Онъ былъ неостороженъ. Онъ не понималъ души Михаила, не понималъ его истиннаго настроенія. Какъ искусному мастеру, ему слѣдовало потакать тѣмъ чувствамъ, которыя явились у Михаила, а онъ поставилъ вопросъ прямо: «Все для себя; дурное — только въ глазахъ другихъ, а если другіе не видятъ, то и дурное хорошо, если оно полезно и пріятно». Вотъ его нравственная философія. Она совершенно ясна. И Михаилъ съ нею не могъ примириться. Въ особенности послѣ объясненія съ Андреемъ.

Если бы Андрей не понималъ его, не признавалъ, не повѣрилъ, оттолкнулъ; ему, можетъ-быть, осталась бы только одна дорога — озлобиться, пойти къ отцу и сказать: я презираю вашу философію, но я золь на весь міръ, и она мнѣ годится. Но даже и въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы уже быть наивнымъ и покорнымъ его послѣдователемъ.

Но Андрей, Андрей! Сколько таится чуткости тамъ, подъ этой, съ виду равнодушной, наружностью! Какъ онъ понималъ его, какъ хорошо, по-дружески поддерживалъ его. Не смотря на происшедшее, онъ протянулъ ему руку. Да развѣ послѣ этого можно измѣнить?

И онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что можетъ идти только по той дорогѣ, которую показала ему Вѣра Васильевна и по которой идетъ теперь Андрей.

Въ университетѣ онъ оставался какъ можно дольше и покинулъ его въ четыре часа и пѣшкомъ пошелъ домой. Столъ былъ накрытъ, но отца еще не было. Михаилъ былъ въ гостиной, когда пріѣхалъ Аркадій Михайловичъ. Онъ былъ чрезвычайно оживленъ, какимъ рѣдко его видѣлъ Михаилъ.

— А, ты дома! У насъ сутолока въ канцеляріи... Пошли большій перемѣны... Я вдругъ совсѣмъ неожиданно получилъ повышение... Представь, новый товарищъ министра, оказывается, знаетъ покойную Вѣру Васильевну еще ребенкомъ!

«Даже и теперь она его вывозитъ: — подумалъ Михаилъ: — она содѣйствуетъ его движенію по службѣ».

— Ахъ, да,—продолжалъ Аркадій Михайловичъ: — сегодня мы съ тобой поѣдемъ на вечеръ къ Копьевымъ. Ты вѣдь у нихъ никогда не бывалъ, а они очень интересные люди. Это барскій домъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Зачѣмъ же я къ нимъ поѣду? — угрюмо спросилъ Михаилъ.

— Какъ зачѣмъ? Тебѣ надо составить подходящий кругъ знакомыхъ. Ты до сихъ поръ живешь какъ-то безъ общества.

— Я еще успѣю составить этотъ кругъ... когда почувствую въ немъ потребность.

— Но я хочу помочь тебѣ въ этомъ.

— Благодарю васъ. Я не поѣду къ Копьевымъ...

Аркадій Михайловичъ взглянулъ на него исподлобья.

— Михаилъ, у тебя опять начинается какое-то броженіе. Пора перебродить! — съ суровымъ выраженіемъ глазъ промолвилъ онъ.

— Это не броженіе, это твердое сознаніе.

— Сознаніе чего?

— Сознаніе того, — очень твердо и ясно сказали Михаилъ: — что никакой вашъ выборъ для меня не подойдетъ. Все ваше — противоположно и враждебно тому, что я чувствую и къ чему стремлюсь.

— Я не признаю ни того тона, ни этихъ словъ! — громко и повелительно сказалъ Аркадій Михайловичъ.

— Я прошу у васъ извиненія. Но я говорю то, что таится въ глубинѣ моей души и чего вы никакъ отсюда не вытравите... Вы не услышите и не увидите отъ меня ни одного слова и движенія, которыя могли бы обидѣть васъ... Я буду вести себя, какъ сынъ, но я никогда не буду походить на васъ. Я никогда не усвою вашего нравственнаго кодекса...

— Откуда ты нахватался такихъ фразъ? — съ раздраженіемъ и съ сарказмомъ, сверкая глазами, воскликнулъ Аркадій Михайловичъ.

— Мнѣ все объяснила эта скверная исторія и ваше отношеніе къ ней. Я понялъ, какіе мы съ вами разные люди... И мы никогда не можемъ сойтись, никогда! Вы идите своей дорогой, которой шли всегда, а я... я пойду дорогой, которую указала мнѣ моя покойная мать... Простите...

Михаилъ повернулся и вышелъ. Аркадій Михайловичъ подошелъ къ столу, сѣлъ въ кресло и просидѣлъ въ немъ долго-долго, неподвижно.

Онъ понялъ, что сынъ никогда больше не вернется подъ его власть.

Въ этотъ день въ домѣ Сарептовыхъ обѣдали только слуги.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло пять лѣтъ съ того времени, какъ Евпраксія Викторовна сдѣлалась владѣлицей дома на Каменномъ островѣ.

Жизнь въ этомъ домѣ была проста и шла тихо, безъ слишкомъ яркихъ радостей зато и безъ горя, которое оставляло бы слѣды. Время однако дѣлало свое дѣло, и работу его можно было лучше всего видѣть на самой владѣлицѣ дома, которая почти не вставала съ своего кресла. Ноги ей плохо служили, и палка, на которую она опиралась, когда хотѣла отъ кресла перейти къ дивану, мало облегчала ея участь. Волосы на головѣ ея стали совсѣмъ бѣлые, спина согнулась и голова слегка дрожала. Такова была Евпраксія Викторовна.

Но въ этотъ ясный майскій день, когда въ небольшомъ садикѣ зазеленѣли листья на деревьяхъ, она нарядилась по-праздничному. На ней было черное кружевное платье — она до сихъ поръ питала пристрастіе къ круже-

вамъ, — пышный бѣлый чепчикъ на головѣ, завязанный на груди роскошнымъ бантомъ.

Дверь на террасу была раскрыта, въ саду около рѣшетки стояла и внимательно глядѣла на дорогу высокая, порядочно растолстѣвшая женщина, въ которой легко было узнать Марфушу.

— Кажется, идутъ, Евпраксія Викторовна! — весело кричала она по направленію къ дому.

— Неужели?

Евпраксія Викторовна, опираясь на палку, поднялась и вышла на террасу. И въ самомъ дѣлѣ идутъ! Сперва показалась коляска, потомъ другая, третья, нѣсколько каретъ, затѣмъ растворились рѣшетчатые ворота и въ садъ ворвалось шумное общество. Вотъ Катя, вся въ бѣломъ, въ цвѣтахъ. Она выросла. Лицо ея серьезно, и въ глазахъ у ней спокойная дума. Ее ведетъ Андрей, тоже одѣтый по-праздничному, во фракѣ. Онъ еще больше возмужалъ, лицо его сдѣлалось нѣсколько грубѣе, глаза были еще серьезнѣе прежняго. Рядомъ съ ними шелъ Михаилъ, на лицѣ котораго выросла уже изрядная борода, но попрежнему худой и стройный. Затѣмъ слѣдовали Мглинскій, который давно уже сдѣлался въ этомъ домѣ своимъ и множество новыхъ лицъ, прежде не появлявшихся здѣсь. Всѣ они громко говорятъ, шутятъ, смѣются. Всѣ подходятъ къ Евпраксіи Викторовнѣ, цѣлуютъ ей руку, потомъ къ Андрею и Катѣ, жмутъ имъ руки, поздравляютъ. Комнаты убраны по-праздничному, на всемъ лежитъ отпечатокъ какой-то радости и общаго веселья.

И среди этого молодого люда обращаетъ на себя вниманіе широкоплечій невысокій, плотный Христіанъ Антоновичъ Тиль, у котораго жабо совсѣмъ уже посѣдѣло.

Въ столовой на столѣ стоятъ налитые бокалы и красивая горка съ конфетами и печеньями. Всѣ берутъ вино, и раздаются тосты. Вотъ говоритъ Михаилъ. Онъ пьетъ за самыхъ дорогихъ во всемъ свѣтѣ друзей, за Андрея и Катю. Потомъ подымаетъ бокалъ Андрей и приглашаетъ выпить за «центральную фигуру» въ этомъ домѣ, за Евпраксію Викторовну. Всѣ пьютъ, кричатъ и смѣются, у всѣхъ веселыя лица.

— Господа, — раздается голосъ Христіана Антоновича. — Моя сѣдая борода требуетъ вниманія. Эта борода посѣдѣла въ многолѣтнемъ неуклонномъ, твердомъ преслѣдованіи цѣли, намѣченной еще тогда, когда она только робко выросла на этомъ лицѣ. Я работалъ всю жизнь, но и всю жизнь думалъ, что я одинокъ въ своей работѣ; но подъ старость судьба послала мнѣ товарища. Господа! Пять лѣтъ тому назадъ ко мнѣ пришелъ молодой человекъ и сказалъ: «Я вѣрю въ себя и въ свои силы». И я тоже сейчасъ же повѣрилъ въ него и въ его силы. Я нашелъ другую душу, столь же твердую, какъ моя, столь же способную идти прямо и смѣло туда, куда ведетъ ее глубоко сознанная цѣль, идти не сворачивая, опираясь на вѣру въ себя и въ правоту своего дѣла! Господа, я пью за характеръ! Я всю жизнь возился съ желѣзомъ и сталью. Я привыкъ думать, что это — самыя крѣпкія вещи на свѣтѣ. И если вы хотите, чтобы и въ жизни все было крѣпко и стояло долго, постарайтесь, чтобы и ваша воля, ваша вѣра въ себя и въ свое дѣло, тоже были изъ желѣза и стали. Таковъ мой юный другъ, Андрей Аркадьевичъ Сарептовъ, таковъ мой новый помощникъ — такъ какъ съ сегодняшняго дня онъ дѣлается моимъ помощникомъ по управленію заводомъ, а когда я ослабѣю, то, конечно, никто другой, какъ онъ, будетъ моимъ преемникомъ! Потому что нѣтъ другого, который былъ бы достойнѣе его! Пью за характеръ изъ желѣза и стали!

Громкое ура было отвѣтомъ на этотъ тостъ. Потомъ поднялось веселье, раздались звуки рояля, который теперь занималъ почетное мѣсто въ гостиной Евпраксіи Викторовны; молодежь закружилась въ танцахъ...

Нѣсколько дней передъ этимъ, въ купѣ курьерскаго поѣзда съ Варшавскаго вокзала изъ Петербурга ухалъ высокій господинъ съ сѣдыми усами и съ сильно порѣдѣвшими волосами на головѣ. Его худое и блѣдное

лицо дышало презрѣніемъ и брезгливостью ко всему, что проходило мимо него. Глаза смотрѣли холодно, и всякій, на кого смотрѣли эти глаза, старался уйти подальше отъ нихъ. Въ этихъ глазахъ свѣтился одинокій эгоизмъ, притомъ озлобленный тѣмъ, что ему не все удалось въ жизни и, можетъ-быть, не удалось самое главное.

Холодная мрачная жизнь велась въ домѣ Сарептова на Кирочной улицѣ все эти пять лѣтъ. Аркадій Михайловичъ дѣлалъ страшныя усилія подойти къ душѣ своего сына и снова овладѣть ею; но все его попытки были напрасны. Михайлъ былъ съ нимъ почтительно, но сухъ и никогда не сказалъ ему ни одного искренняго слова.

Исторія „Синей Бороды“.

Знаменитая сказка Перро «Синія Борода» обошла весь свѣтъ и знакома каждому изъ насъ съ дѣтства. Но врядъ ли извѣстно большинству изъ нашихъ читателей, что Синія Борода—историческое лицо, и что онъ, въ самомъ дѣлѣ, прославился какъ свирѣпый злодѣй? Народная память въ Бретани, Вандей и Пуату донынѣ хранитъ таинственный образъ его, полный мистическаго ужаса. Перро въ своей сказкѣ однако искажилъ этотъ историческій типъ: подлинный Синія Борода былъ женатъ не на семи женахъ, а всего на одной и вовсе не убивалъ ихъ, ни своей единственной, рожденной отъ нея, дочери. Злодѣянія его, которые сохранилъ въ своей памяти народъ,—нѣсколько иного характера. Но не одними злодѣяніями прославился Синія Борода, а кое-чѣмъ инымъ, какъ увидимъ ниже.

Исторія прекрасно знаетъ его имя: оно начертано на ея страницахъ яркими буквами рядомъ съ именемъ Жанны д'Аркъ и другихъ героевъ знаменитой войны Франціи съ Англіей въ XV-мъ вѣкѣ.

Жиль де-Рэ родился въ замкѣ Машекулъ въ Вандей, въ 1404 году. Осиротѣвъ съ 11 лѣтъ, онъ получилъ оригинальное для своего времени образование: кромѣ военныхъ упражненій онъ, наперекоръ тогдашнимъ дворянскимъ традиціямъ, занимался литературой и составилъ себѣ бібліотеку изъ классиковъ. Съ 1425 года начался его военная карьера. Онъ выступилъ на поприще воина уже женатымъ, сочетавшись бракомъ съ Катериной Туаръ, когда ему было всего еще 16 лѣтъ. Военные успѣхи дали ему легко. Подошла эпоха Жанны д'Аркъ, и баронъ Жиль де-Рэ былъ назначенъ королевемъ сопровождать Жанну въ Орлеанъ. И съ этой поры онъ дѣлалъ съ дѣвственницей все трудности и всю славу ея знаменитаго подвига освобожденія Франціи изъ вражьихъ рукъ. Въ награду за его храбрость король даровалъ ему званіе маршала. Де-Рэ былъ тогда всего 25 лѣтъ!

Къ сожалѣнію, ему не удалось освободить Жанну д'Аркъ изъ плѣна, когда она попала въ англичанамъ, и, можетъ-быть, эта неудача и огорченіе были причиною того, что въ 1432 году, онъ оставилъ военную службу и удалился въ свои помѣстья.

Тогда-то началась другая его слава. Жиль де-Рэ обзятъ эту пору живѣе болѣе бариномъ, окруживъ себя неслыханной пышностью и чисто-царскимъ дворомъ. Онъ чрезвычайно любилъ гравюры, эмали, рукописи, и, въ особенности, предавался искусству пѣнія и театральнымъ представленіямъ. Духовные спектакли у него чередуются съ мавританскими плясками и пантомимами.

Онъ любилъ толпу и ея удивленіе предъ его блескомъ и пышностью. Ему нравится возбуждать всеобщій восторгъ своей роскошью и расточительностью и хлѣбосольствомъ. Жиль де-Рэ держитъ открытый столъ для встрѣчнаго и поперечнаго и тратитъ огромныя суммы на рѣдкія вина и блюда. Это желаніе красоваться предъ толпой и прославиться повсюду, гдѣ только можно, въ связи съ его страстью къ представленіямъ и спектаклямъ заставляетъ Рэ предпринять цѣлый рядъ путешествій по городамъ и селеніямъ съ трупой своихъ артистовъ и давать повсюду спектакли и повсюду держать открытый столъ и кормить званныхъ и незванныхъ гостей на свои средства.

Всякій баронъ имѣетъ свою фантазію. Это была фантазія барона де-Рэ, и онъ осуществилъ ее съ такимъ блескомъ, что она надолго осталась въ исторіи искусства. Въ описываемую эпоху театральныя представленія уже не были новинкой для народа. «Мистеріи» т.е. сценическое воспроизведеніе сценъ Ветхаго и Новаго Завета, устраивались духовенствомъ и муниципалитетомъ городовъ довольно часто, и даже существовала оригинальная обязанность горожанъ непремѣнно посѣщать эти спектакли, въ родѣ того, какъ они обязаны были присутствовать при казни разныхъ преступниковъ. Народъ силой загоняли на мистеріи, причемъ плата за мѣсто съ посѣтителемъ все-таки взималась и при томъ довольно высокая (самое дешевое мѣсто стоило 1 франкъ).

Баронъ де-Рэ повелъ дѣло совсѣмъ иначе.

Начавъ съ духовныхъ мистерій, онъ перешелъ на свѣтскіе спектакли (хотя нѣкоторый религиозный элементъ все-таки сохранился за ними) и поставилъ огромную пьесу «Осада Орлеана», написанную въ 1435 году нѣкимъ Милле и посвященную по старой привычкѣ также названію «мистеріи». Эта пьеса положила начало историческимъ драмамъ и хроникамъ и опередила хроники Шекспира почти на 200 лѣтъ. Ея значеніе для современниковъ-зрите-

лей было громадное, и она пользовалась такимъ колоссальнымъ успѣхомъ, каковы ни одна драма не пользуется въ наши дни.

Въ этой пьесѣ были изображены исторически вѣрно тѣ самыя событія, которые только-что пронесли въ то время надъ Франціей. Въ ней участвовали тѣ лица, которые еще были живы и жили на глазахъ у всѣхъ. Мало того, въ мистеріи «Осада Орлеана» многіе артисты играли, буквально, самихъ себя: маршалъ де-Рэ игралъ роль барона де-Рэ—соратника Жанны д'Аркъ; друзья и сослуживцы его, принимавшіе участіе въ орлеанской осадѣ, исполняли свои собственные роли. А когда пьеса была поставлена въ г. Орлеанѣ, то въ ней приняли участіе, въ качествѣ статистовъ и второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, подлинныя орлеанцы—тѣ самыя, которые сражались въ стѣнахъ родного города съ англичанами... Они вторично переживали на подмосткахъ минувшую эпоху.

КОНЕЦЪ.

Это было нѣчто необычное для народа! Слѣдуетъ прибавить, что де-Рэ не щадилъ издержекъ на роскошную обстановку мистеріи, и что костюмы на герояхъ пьесы блистали золотомъ и драгоценными матеріями, а дѣйствующихъ лицъ въ ней было болѣе 500! При этомъ онъ ставилъ спектакли на свой счетъ, а со зрителей не бралъ ни гроша и даже еще кормилъ и поилъ ихъ. Только въ Орлеанѣ горожане сами купили для пьесы кое-какіе аксесуары, но тѣмъ не менѣе издержки де-Рэ въ одномъ только этомъ городѣ достигли 4½ миллионѣвъ франковъ, что составляло для того времени прямо-таки баснословную сумму.

Истративъ такую сумму въ теченіе 10 мѣсяцевъ пребыванія въ Орлеанѣ для богатаго сеньора де-Рэ было возможно, но продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ стало затруднительно даже для его широкаго кармана. Де-Рэ сталъ бѣднѣть, и началъ прибѣгать къ займамъ, къ закладу и продажѣ имѣній. Отстать отъ своей широкой и пышной жизни онъ не могъ, и паденіе его приближалось.

Тогда-то и начался мрачный періодъ его жизни.

Маршалъ Франціи окружилъ себя магами и колдунами и мечталъ о возможности превращать металлы въ золото и обогатиться сверхъестественнымъ путемъ. Онъ завелъ сношенія со всевозможными чародѣями, вызывая дьяволовъ и, по совѣту и настоянію колдуновъ, сталъ умерщвлять дѣтей, такъ какъ колдунамъ требовалась кровь; волосы и сердца младенцевъ.

Все это производилось, конечно, тайно... Жена и дочь де-Рэ жили отдѣльно отъ маршала. На дѣтей предпринималась настоящая охота, и изъ солоней и деревень въ Пуату, Вандей и Анжу дѣти стали исчезать сотнями. Особые охотники хватили ребятъ, сажали ихъ въ мѣшки и уносили свирѣпому маршалу.

По жалобѣ родителей жертвъ, въ 1440 году мѣстныя власти произвели дознание, и Жиль де-Рэ былъ арестованъ и въ октябрѣ этого года предсталъ предъ судомъ.

Засѣданіе суда было публичное, въ присутствіи массы народа. Рэ держался съ мрачнымъ спокойствіемъ, выслушавъ сознаніе въ своихъ преступленіяхъ. Онъ имѣлъ представительную наружность—молодой (ему было 36 лѣтъ), эlegantный и красивый. Блѣдныя волосы его странно гармонировали съ черной—цвѣта воронова крыла—бородой. При особомъ освѣщеніи и получалъ отвѣтъ отъ чернаго костюма, борода де-Рэ показалась зрителямъ совершенно синей, и все собраніе тутъ же прозвало его «Синей Бородой».

Это прозваніе напутствовало его на казнь. Жиль де-Рэ былъ осужденъ на смерть вмѣстѣ со своими двумя соучастниками—товарищами. Онъ троекратно просилъ прощеніе у народа, упавъ на колѣни, и затѣмъ былъ повѣшенъ къ висѣлицѣ подъ звуки заунывной. Пѣніе было подхвачено всемъ народомъ, и казнь «колдуна и убійцы дѣтей» явилась собой послѣдній торжественный спектакль, который великій актеръ Жиль де-Рэ давалъ своему народу.

Жители Бретани послѣ этого постились трое сутокъ, а все дѣти были висѣны до крови, чтобы они навсегда сохранили память о великомъ злодѣѣ и о его свирѣпостяхъ.

Со смертью Жили де-Рэ мистеріи «Осада Орлеана» уже не могла появляться въ своемъ прежнемъ видѣ на сценѣ. Но зато у нея нашлись подражатели, и ея появленіе, несомнѣнно, дало сильный толчекъ развитію сценическаго искусства въ Европѣ. Несмотря на свой мрачный конецъ и жестокія дѣла, маршалъ Франціи «Синія Борода», отнюдь не заслуживаетъ забвенія, и личность его представляетъ глубокий интересъ для исторіи культуры и, можетъ-быть, для психіатріи.

Къ рисункамъ.

Фотографія оказываетъ художникамъ неоцннимую услугу, позволяя увѣковѣчивать мгновенновстрѣченные типы и сцены и красивые виды природы. Она замѣняетъ и дополняетъ художникамъ ихъ собственную память и избавляетъ отъ необходимости быстро зарисовывать встрѣченный любопытный предметъ. Потомъ, пользуясь фотографическими снимками, какъ этюдами, художникъ можетъ создать по нимъ цѣлыя картины, замѣняя одноцвѣтный тонъ фотографіи живыми красками своей палитры и дополняя рабскую подражательность фотографіи натурѣ — своею фантазіей и искусствомъ. Нерѣдко такіе «фото-этюды» бываютъ сами по себѣ настолько художественны, что являются настоящими произведениями искусства, какъ, напримѣръ, помѣщенный въ этомъ номерѣ фото-этюдъ художника А. А. Мазурина «Казачка». Слово живая, стоитъ предъ

суета, и одно лишь важно, и въ одномъ лишь мудрость мира — въ жизни, согласно вѣдннмъ нравственнаго закона, продиктованнаго человекомъ Богомъ.

Превосходная картина И. А. Асканзія, находившаяся на послѣдней выставкѣ картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ, изображаетъ тотъ моментъ, когда Соломонъ, диктуя писцу свои изреченія, восклицаетъ знаменитыя, увѣковѣченныя Св. Писаніемъ, слова о суетѣ суетъ. Роскошь и изящество его обстановки превосходятъ все возможное для того времени и, въ изображеніи художника, являются ослѣпительными. Соломонъ сидитъ на мраморномъ тронѣ; у его ногъ, олицетворяя собою сфинксовъ, лежатъ рабы. И среди всего этого блеска и величія — какимъ глубокимъ выраженіемъ скорби полно старчески прекрасное лицо царя! Стоитъ вгля-

Первый литературно-художественный вечеръ, устроенный въ кредитномъ обществѣ комитетомъ для содѣйствія нравственному и физическому развитію молодежи. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

нами она со своимъ плѣтухомъ и корзиной, снятая художникомъ, очевидно, въ тотъ моментъ, когда собралась идти на базаръ.

Царь Соломонъ достигъ такого могущества своей мудростью и приобрѣлъ такую славу, что недаромъ парика Савеская прѣзжала издали, чтобы только побесѣдовать съ нимъ. Отъ своей долгой жизни онъ взялъ все возможное: славу, богатство, счастье своего народа и былъ съ вѣшной стороны самымъ счастливымъ человекомъ въ мірѣ. Но подъ конецъ жизни онъ, какъ извѣстно, пришелъ къ полному разочарованію, увидѣвъ, какъ, въ сущности, ничтожно достигнутое имъ, и какъ много остается тайнаго и недостижимаго для его духа. Эта вѣчная скорбь человѣческаго духа, для котораго земныя границы тѣсны, а земная дѣятельность ограничена и приводитъ рано или поздно къ предѣлу всемогущаго незнанія, это недовольство и презрѣніе мишурнымъ блескомъ жизни, нашло прекрасное и яркое выраженіе и у самого Соломона: «суета суетъ и всяческая суета!» — восклицаетъ онъ въ Экклезіастѣ. Окруженный почетомъ и блескомъ и красотой жизни, всемогущій старикъ-царь сокрушенно смотрѣлъ на весь этотъ блескъ и говорилъ, что величайшая слава міра есть величайшая суета: могущество, богатство — все становится недорого сломаннаго стебля соломы, когда сознаешь, что духъ слабъ и бѣденъ, и когда душу охватываетъ убѣжденіе, что всѣ стремленія человѣческаго духа обнять тайну міра есть, по волѣ Божіей, вѣчный и неизсякаемый источникъ мученій. Все

дѣтся въ него, чтобы вполне понять и оцнить глубокий смыслъ изреченія Экклезіаста.

Каждый годъ изъ центральной Россіи двигается на далекій востокъ сѣрая крестьянская армія: это ѣдутъ на новыя мѣста переселенцы. Терпя всевозможныя лишенія, ѣдутъ они по желѣзнымъ дорогамъ въ переполненныхъ товарныхъ вагонахъ — въ тѣхъ самыхъ, на которыхъ красуется лаконическая надпись: «40 человѣкъ, 8 лошадей»... Они ждутъ на перекрестныхъ станціяхъ по нѣскольку дней поѣзда, ночью нерѣдко подъ открытымъ небомъ, потому что далеко не вездѣ устраиваютъ для нихъ бараки въ такихъ мѣстахъ. Не лучше обставлена ихъ ѣзда и по рѣкамъ. Еще на волжскихъ и камскихъ пароходахъ ихъ, по крайней мѣрѣ, везутъ быстро. Но не то въ Сибири — и особенно, на Амурѣ, гдѣ правильное пароходство еще только начинаетъ свое существованіе. На картинѣ художника А. И. Чиркова мы видимъ переселенческую баржу, влекомую по Амуру маленькимъ тихоходнымъ пароходикомъ. Терпѣливо ѣдутъ на этой громадной и неуклюжей баржѣ со своими телѣгами и лошадьми сѣрые труженики, приближаясь къ той обѣтованной землѣ, гдѣ, по рассказамъ ихъ ходоковъ, рожь растетъ выше чело- вѣка, а тучная земля не нуждается ни въ какомъ удобреніи, и гдѣ лѣса и рѣки кишатъ дичью и рыбой. И пока баржа тихо разсѣкаетъ зеленыя, прозрачныя волны великой и еще почти дѣвственной рѣки, предъ переселенцами медленно проходятъ величествен-

Комитетъ содѣйствія нравственному и физическому развитію молодежи въ Петербургѣ. Читальня. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

ныя картины береговъ—такія картины, какихъ они и не видавали у себя на родинѣ. Тамъ плоскіе поля и луга тянутся безъ конца во всѣ четыре стороны, а здѣсь встаютъ дикія отвѣсныя скалы, исчерченные трещинами и разрисованныя фестонами мха и узорами обнаженныхъ горныхъ породъ. И пусто, безлюдно на этихъ дикихъ скалистыхъ берегахъ, пусто и въ долинахъ, заросшихъ лѣсами. Ждетъ земля людей—владѣльцевъ—и вотъ, они ѣдутъ къ ней,—ея будущіе хозяева и работники.

Комитетъ содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія.

(Съ 3 рис. на стр. 401 и 402).

Въ концѣ истекшаго года въ Петербургѣ учреждено совершенно новое въ Россіи и въ высшей степени симпатичное по цѣли учрежденіе—«комитетъ содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи»; это новое учрежденіе, какъ видно изъ его названія, имѣетъ цѣлью содѣйствовать физическому, умственному и нравственному развитію молодежи. Для этого нанято въ одной изъ лучшихъ улицъ столицы—на Литейномъ проспектѣ (д. № 30) большое помѣщеніе; здѣсь по вечерамъ ежедневно въ различныхъ комнатахъ преподаются стенографія, бухгалтерія, нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Имѣются также бібліотека и читальня для чтенія книгъ, газетъ и журналовъ. Нѣсколько комнатъ отведено для игръ въ шахматы, шашки и для другихъ развлеченій.

Въ большомъ залѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ устраиваются литературно-музыкальные вечера, концерты, читаются популярныя лекціи по разнымъ предметамъ, происходятъ чтенія и религіозно-нравственныя бесѣды. Въ чтеніи научныхъ и популярныхъ лекцій въ минувшемъ учебномъ году принимали участіе: профессоръ С. П. Глазенапъ (о «Марсѣ»), академикъ И. Р. Тархановъ («о вліяніи музыки на организмъ человѣка»), полковникъ Д. М. Левшинъ (три лекціи о Грановскомъ), капитанъ Н. А. Фроловскій (о Вл. Серг. Соловьевѣ), д-ръ мед. А. Л. Мендельсонъ («о гимнастикѣ»), Г. Шорохъ-Троцкий (рядъ лекцій о литературѣ и «о правдѣ и вымыслѣ въ поэзіи»); г. Образцовъ и многіе другіе бесѣдовали съ молодежью о разныхъ предметахъ.

Религіозно-нравственныя бесѣды велись нѣсколькими духовными лицами, но главнымъ образомъ—извѣстнымъ проповѣдникомъ, священникомъ Михайловской артиллерійской академіи о. Григоріемъ Петровымъ. Кромѣ цѣлаго ряда религіозно-нравственныхъ бесѣдъ, о. Григорій прочелъ много лекцій о «нравственной распущенности», о «всеобщемъ апостольствѣ», о «царствіи Божіемъ на землѣ», о «высшей мудрости», о Владимірѣ Серг. Соловьевѣ, о Достоевскомъ, Ницше, Пушкинѣ, Л. Н. Толстомъ и др. выдающихся писателяхъ.

Всѣ названныя лекціи велись совершенно бесплатно и имѣли большой успѣхъ у молодежи.

жи. Зрительный залъ всегда переполненъ, особенно сильно чувствовался недостатокъ мѣстъ во время бесѣдъ свящ. о. Григорія. Среди молодыхъ слушателей, подъ вліяніемъ его умныхъ и увлекательныхъ рѣчей проявился большой интересъ къ религіознымъ вопросамъ, и образовался значительный кружокъ для нравственнаго самовоспитанія путемъ чтенія соответствующихъ книгъ.

Предстоящимъ лѣтомъ намѣчены комитетомъ экскурсіи по окрестностямъ Петербурга. Число членовъ общества превысило уже девятьсотъ человѣкъ, и помѣщеніе становится тѣснымъ.

«Комитетъ» носитъ характерное, сокращенное названіе—«Маякъ». Члены-посѣтители «Маяка»—молодые все люди отъ 17 до 35 лѣтъ, служащіе въ банкахъ, конторахъ, магазинахъ, мастерскихъ. Все это обычные жильцы меблированныхъ комнатъ, и они чувствуютъ себя особенно свободно и уютно въ большихъ свѣтлыхъ и чистыхъ комнатахъ «Маяка».

Кромѣ лекцій, уроковъ, книгъ, шашекъ и шахматныхъ игръ, къ услугамъ молодежи устроены прекрасный дешевый буфетъ.

Годовой членскій взносъ для посѣтителей—три рубля, желающіе заниматься изученіемъ языковъ, бухгалтеріи, стенографіи и проч. доплачиваютъ по 5 руб. за каждый курсъ.

Комитетъ принялъ подъ свое покровительство Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Мысль и первоначальныя средства на основаніе «Маяка» далъ извѣстный американскій филантропъ г. Джемсъ Стоксъ, который способствовалъ учрежденію такихъ же союзовъ молодежи въ Чикаго, Парижѣ и Берлинѣ.

Въ концѣ апрѣля т. г. въ залахъ кредитнаго общества состоялось первое общее собраніе членовъ и посѣтителей «Маяка». Былъ прочитанъ отчетъ и данъ концертъ участниками «кружка». На первомъ общемъ собраніи членовъ-посѣтителей присутствовали: Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, предсѣдатель «комитета» т. с. И. Н. Турчаниновъ, члены совѣта: т. с. сенаторъ Н. С. Таганцевъ, князь П. С. Оболенскій, министръ путей сообщенія князь Хилковъ, директоръ пріюта принца Ольденбургскаго, секретарь комитета П. А. Сидоровъ, свящ. Г. С. Петровъ, свящ. Н. В. Васильевъ, пасторъ А. Д. Франсисъ, Э. Л. Нобель, Ф. А. Гэлордъ и многіе друг. члены. Всего собралось до 1000 человѣкъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ пожелать этому симпатичному и полезному учрежденію полного преуспѣванія. И цѣли, и осуществленіе задачъ «комитета»—нравственное совершенствованіе молодежи заслуживаютъ всеобщаго сочувствія. Одинокая, безсемейная молодежь крупныхъ городскихъ центровъ, лишенная нравственной поддержки, поддается вреднымъ вліяніямъ. Зажженные повсюду «Маяки» могли-бы тысячи молодыхъ людей во время удержатъ отъ многихъ ошибокъ и иногда даже отъ гибели.

Комитетъ содѣйствія нравственному и физическому развитію молодежи въ Петербургѣ. Урокъ французскаго языка. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

В. Н. Троцкий. (Портр. на этой стр.).

9-го мая скончался скоропостижно виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, генерал-адъютант Виталий Николаевич Троцкий. Имя Троцкого вот уже почти полвека упоминается в боевых дѣлописях русской арміи, какъ имя храброго воина и виднаго администратора.

Значительнѣйшая часть боевой дѣятельности В. Н. протекала въ Туркестанскомъ краѣ. Окончивъ курсъ въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, В. Н. въ 1853 г. поступилъ на службу въ егерскій полкъ. Въ рядахъ этого полка В. Н. совершилъ походъ изъ Москвы въ Молдавію и принималъ участіе въ крымской кампаніи, отличившись въ сраженіи при р. Альмѣ, 8-го сентября 1854 года. Въ 1858 г., состоя въ лейбъ-гвардіи гатчинскомъ (нынѣ егерскомъ) полку и имѣя уже орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость», В. Н. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса которой въ 1860 году былъ зачисленъ въ генеральный штабъ.

Ровно тридцать пять лѣтъ тому назадъ В. Н. началъ свою службу въ Туркестанѣ, на которой онъ выказалъ столько боевыхъ подвиговъ и за которую былъ удостоенъ выдающихся наградъ и отличій. Тридцати двухъ лѣтъ отъ роду—въ 1867 г. В. Н. назначенъ былъ начальникомъ штаба войскъ Сыр-Дарьинской области, а два года спустя ему уже было поручено исправлять должность помощника командующаго войсками области.

Въ бухарскую кампанію, В. Н., находясь въ отрядѣ ген.-маіора Романовскаго, участвовалъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ: въ осадѣ, штурмѣ и взятіи Ура-Тюбе, въ осадѣ Замлина и во взятіи Джизака. Въ послѣдующіе годы В. Н. принялъ опять-таки дѣятельное участіе въ шахризавской экспедиціи (1870 г.), въ походѣ во время покоренія Кульджинскаго ханства (1876 г.), въ хивинскомъ походѣ (1873 г.) и кокандской экспедиціи (1875 г.). Въ послѣдней экспедиціи В. Н. состоялъ начальникомъ полевого штаба и командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. За боевыя заслуги во всѣхъ этихъ походахъ В. Н. удостоенъ былъ сначала чина полковника, ордена св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ, затѣмъ—чина генералъ-маіора, назначеніи въ Свиту Его Величества, ордена св. Станислава 1 ст. съ мечами, золотой, украшенной алмазами сабли съ надписью «за храбрость» и, наконецъ, высшаго для воина отличія—ордена св. Георгія 3 ст.

Послѣ покоренія края, В. Н. поручено было управленіе имъ, въ качествѣ военнаго губернатора и командующаго войсками Сыр-Дарьинской области. Послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва—съ 1883 по 1887 г.,—во время котораго В. Н. занималъ рядъ высокихъ и отвѣстныхъ военныхъ должностей: начальника штаба кавказскаго военнаго округа, командира 16-го армейскаго корпуса, помощника командующаго войсками кievскаго военнаго округа и, наконецъ, командующаго войсками виленскаго военнаго округа,—онъ снова былъ назначенъ на административный постъ—виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора. На этомъ трудномъ и отвѣстномъ посту В. Н. и скончался, успѣвъ за четыре года своего управленія обширнымъ западнымъ краемъ снискать симпатіи разнообразнаго мѣстнаго населенія, цѣнившего въ В. Н. его справедливость, гуманность, проявившуюся ко всѣмъ безъ различія національности, званія и положенія. Во всемъ западномъ краѣ В. Н. оставилъ по себѣ добрую память, и всѣхъ тяжело поразила его скоропостижная кончина, послѣдовавшая послѣ непродолжительной болѣзни, на 66-мъ году жизни.

В. Н. Троцкий извѣстенъ былъ и въ военной литературѣ своимъ капитальнымъ трудомъ: «Описаніе хивинскаго похода 1873 г.,—составленнымъ на основаніи личныхъ воспоминаній и по матеріаламъ, собраннымъ во время похода и хранившимся въ ученомъ отдѣлѣ главнаго штаба.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ военнаго министра о кончинѣ В. Н. Троцкаго Государь Императоръ изволилъ начертать: «Глубоко сожалею».

Отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны супругой покойнаго В. Н. Троцкаго получена слѣдующая телеграмма: «Глубоко огорчена печальной вѣстью страшнаго несчастья, васъ постигшаго. Я искренно любила и уважала вашего добраго и прекраснаго супруга. Всѣмъ сердцемъ принимаю

участіе въ вашей великой скорби и молю Бога, да поддержитъ Онъ васъ.

МАРІЯ».

А. П. Философова. (Съ портр. на этой стр.).

22-го апрѣля, въ помѣщеніи Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, происходило чествованіе 40-лѣтней общественной дѣятельности Анны Павловны Философовой, съ именемъ которой связано возникновеніе почти всѣхъ благотворительныхъ

учрежденій столицы, начиная съ 60-хъ годовъ до послѣдняго времени, и которая была въ той «славной стаѣ», которая организовала и поставила у насъ на ноги дѣло женскаго университетскаго образованія. Не только разнообразныя благотворительныя и просвѣтительныя общества столицы и провинціи приняли участіе въ этомъ торжествѣ, присылкой адресовъ и депутатій, но и городская дума прислала своего представителя въ лицѣ предсѣдателя городской комиссіи по народному образованію П. А. Потѣхина.

Всѣхъ депутатій и адресовъ было 29, кроме массы телеграммъ. Чтеніе адресовъ и рѣчи заняли больше трехъ часовъ; среди привѣтствій было нѣсколько изъ заграницы—два изъ Брюсселя, одно отъ Ligue Belge du droit des femmes и другое отъ Societé Belge de l'Amélioration du sort de la femme, изъ Берлина отъ Лины Моргенштернъ и отъ американскихъ женщинъ. Провинція также откликнулась на это торжество, были адресы изъ Нижняго-Новгорода, Саратова, Москвы, Новоржева, Калуги и т. д.

Такой единодушный взрывъ симпатій и признательности общества былъ вызванъ выдающимися заслугами Анны Павловны Философовой. Болѣе 40 лѣтъ отдала она служенію ближнему, поставивъ себѣ цѣлью жизни служеніе родинѣ на всѣхъ тѣхъ порахъ, которыя были доступны женщинамъ.

Будучи свидѣтельницей крѣпостнаго права и его ужасовъ, она вмѣстѣ съ лучшими

людьми своего времени страшно скорбѣла объ этомъ. И вотъ, когда благовѣстъ свободы раздался по всей Руси, ихъ сердца, горѣвшія любовью и жалостью къ народу, нашли исходъ своимъ чувствамъ, стремленіямъ. Эти люди бросились ко всѣмъ пыломъ страсти въ народъ, служить ему. Среди этихъ людей была и А. П.—ей первымъ шагомъ на общественной аренѣ было—устройство въ деревнѣ школы, тотчасъ по освобожденіи крестьянъ, а затѣмъ медицинскаго пункта съ даровой раздачей лѣкарствъ. Школа существуетъ и нынѣ, давалъ образованіе сотнямъ деревенскихъ дѣтей.

Медицинскій пунктъ съ бесплатной раздачей лѣкарствъ былъ тогда дѣломъ совершенно новымъ, подача медицинской помощи народу совершенно не была еще организована, и попытка А. П. была одной изъ первыхъ.

Началомъ правильной безпрерывной общественной дѣятельности надо считать 1861 годъ, время утвержденія устава общества «дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ С.-Петербурга», однимъ изъ инициаторовъ котораго была А. П. и существованію котораго минуло въ нынѣшнемъ году 40 лѣтъ.

Общество это имѣетъ въ настоящее время недвижимость, оцѣниваемую въ 366,000 р., даетъ квартиру болѣе 600 человѣкъ, въ мастерскихъ своихъ—швейную работу 44,202 женщинамъ въ годъ, выдаетъ дешевыхъ обѣдовъ свыше 100,000 ежегодно и обучаетъ въ своемъ училищѣ и дѣтскомъ саду болѣе 200 дѣтей. Кроме того, при домахъ своихъ имѣетъ амбулаторію, ночлежный домъ, для дѣтей въ Дудергоффъ дачу, и проч.

Во всей этой созидательной работѣ главная часть принадлежитъ А. П., которая съ самаго основанія и до сихъ поръ состоитъ дѣятельнымъ членомъ общества, и 14 лѣтъ, въ качествѣ предсѣдательницы, руководила всѣмъ его дѣлами.

Переходя къ другимъ отраслямъ дѣятельности А. П., встрѣчаемъ ее въ числѣ учреди-

тельница комитета грамотности. Она же впервые возымѣла мысль объ общественной помощи голодающимъ и во время самарскаго голода въ 1873—1874 гг. организовала для этого комитетъ, который собралъ десятки тысячъ рублей и спасъ отъ голода не одну тысячу людей. А. П., какъ предсѣдательница комитета и организатору дѣла, выпала главная тяжесть работы въ этомъ новомъ тогда дѣлѣ.

По инициативѣ А. П. возникло такое важное по своимъ результатамъ общество, какъ «доставленіе средствъ высшимъ женскимъ

Виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, ген.-адъют. В. Н. Троцкий († 9-го мая 1901 г.). По фот. авт. «Нивы».

А. П. Философова. По поводу 40-лѣтія общественной дѣятельности. По фот. авт. «Нивы».

курсамъ», а въ исторіи организаціи университетскаго образованія для женщинъ на нашей родинѣ, имя А. П. займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

А. П. состоитъ учредительницей: «общества бѣдныхъ женщинъ», «защиты женщинъ», «общества содѣйствія сельско-хозяйственному образованію женщины», «общества усиленія средствъ женскаго ме-

постройками, и, кромѣ того, Гостинный рядъ, въ которомъ находилось 190 лавокъ. Въ числѣ уничтоженныхъ огнемъ зданій находятся строенія почтовой конторы, тюрьма, помѣщенія канцеляріи предводителя дворянства, воинскаго присутствія, съѣзда, комитета трезвости и чиншевого присутствія.

Всего пострадало 494 домохозяина и около 20,000 жильцовъ.

Пожаръ въ Брестъ-Литовскѣ. Гостиница «Европа» до пожара.
По фот. А. Чуфарова авт. «Нивы».

Пожаръ въ Брестъ-Литовскѣ. Гостиница «Европа» послѣ пожара.
По фот. А. Чуфарова авт. «Нивы».

дицинскаго института», «общества улучшенія быта питомцевъ воспитательнаго дома», «русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества», «общества пособія слушательницамъ педагогическихъ курсовъ и слѣб. медицинскаго института» и т. д.

Во всѣхъ перечисленныхъ обществахъ и во многихъ другихъ А. П. своей энергичной дѣятельностью не мало содѣйствовала ихъ процвѣтанію. Въ теченіе 40 лѣтъ она неустанно работала, какъ общественный дѣятель, какъ борецъ за права женщинъ, какъ работникъ на нивѣ благотворительности. Въ ознаменованіе этихъ обще-

Огонь, продолжавшійся два дня, такъ быстро переходилъ съ одного квартала на другой, что жителямъ сгорѣвшихъ кварталовъ и владельцамъ лавокъ не было никакой возможности спасти свое имущество; выброшенные на улицу вещи тутъ же сгорѣли. Такимъ образомъ, около 20,000 человекъ осталось безъ крова, а большинство изъ нихъ — и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Убытки отъ пожара исчисляются въ громадную цифру — до 7,000,000 рублей. Нужно имѣть въ виду, что эта огромная цифра убытковъ составила изъ сотенъ, чуть ли не десятковъ рублей,

Пожаръ въ Брестъ-Литовскѣ. Общій видъ одного изъ кварталовъ послѣ пожара. По фот. А. Чуфарова, авт. «Нивы».

ственныхъ заслугъ учреждены стипендіи съ имени на высшихъ женскихъ курсахъ и въ женскомъ медицинскомъ институтѣ.

Пожаръ въ Брестъ-Литовскѣ. (Рис. на этой стр.)

Одинъ изъ крупныхъ городовъ западнаго края, Брестъ-Литовскъ постигло страшное несчастье. 28-го апрѣля т. г. въ 11½ часовъ дня, при чрезвычайной сильномъ вѣтрѣ, возникъ между р. Мухомъ и Шоссейной улией пожаръ, который уничтожилъ до тла самую лучшую часть города. Сгорѣло 14 кварталовъ, въ которыхъ было 655 каменныхъ и деревянныхъ жилыхъ домовъ съ

такъ какъ большинство жителей — бѣднота.

Для помощи пострадавшему населенію образовался особый комитетъ подъ предѣлательствомъ генераль-маіора Пашкова. Комитетъ этотъ, при содѣйствіи военныхъ властей и города, временно помѣстилъ погорѣльцевъ въ казармахъ и снабжаетъ ихъ продовольствіемъ.

30-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о несчастьи, постигшемъ Брестъ-Литовскъ, Государь Императоръ Всемилоостивѣйше повелѣлъ соизволилъ отпустить на выдачу пособій погорѣльцамъ этого города 50,000 руб.